

Фонд содействия сохранению культурного наследия
«Общественный фонд “Южный Урал”»

Служилые и ясачные люди в России XV—XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации

сборник статей
Выпуск 1

*При подготовке сборника использованы материалы
1-й Международной научно-практической конференции
«Служилые и ясачные люди в России XV—XIX вв.:
особенности землевладения, сословные номинации»*

Челябинск
Библиотека А. Миллера
2022

УДК 93/94
ББК 63.3(2)4-5
С49

*Финансирование издания осуществлено из средств
субсидии Правительства Челябинской области,
в рамках соглашения о предоставлении
из областного бюджета субсидии
некоммерческой организации № 91 от 19.04.2022 г.*

С49 Служилые и ясачные люди в России XV—XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сборник статей / под ред Г. Х. Самигулова. Выпуск 1. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2022. — 195 с.

Сборник представляет собой первую попытку собрать вместе исследования по таким, казалось бы, разным группам населения России, как служилые и ясачные люди. Представлены работы, рассматривающие ситуацию на больших пространствах — от Подмосковья до Центральной Сибири и охватывающие достаточно длительный период — от XIV до XIX в. Обозначено тематическое разнообразие в рамках обозначенного направления. Ряд работ демонстрирует, насколько тонка была граница между служилым и ясачным населением. Большинство работ подготовлены с использованием нового, ранее не публиковавшегося материала, либо предлагают новые трактовки известных фактов и процессов.

Сборник предназначен для специалистов по социальной, этнической истории России, студентов гуманитарных факультетов и всех интересующихся историей России.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)4-5

ISBN 978-5-93162-637-6

© Авторы, 2022.

Содержание

<i>А. В. Аксанов</i> К вопросу о реформах казанского хана Сафа-Гирея.....	5
<i>В. Н. Асочакова</i> Влияние христианизации на социальное развитие автохтонного населения Хакасско-Минусинского края в XVIII—XIX вв.	9
<i>А. В. Беляков</i> О государевых вотчинах в Сургутском уезде в начале XVII в.	19
<i>В. Г. Волков</i> Сословные номинации разных групп тюркского населения Томского уезда в XVII — начале XVIII вв. и специфика их землевладения	26
<i>И. В. Зайцев</i> Великокняжеские татары в XV — первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование.....	36
<i>Р. Р. Исхаков, О. О. Владимиров</i> Социальная стратификация ясачного и служилого населения Западного Приуралья в XVII — начале XVIII в. (на примере Казанской дороги Уфимского уезда).....	73
<i>А. И. Ногманов</i> Законодательное регулирование оборота татарских поместных земель в XVII в.	86
<i>Р. Ю. Почекаев</i> К вопросу о существовании икта в Улусе Джучи (постановка проблемы)	102
<i>Г. Х. Самигулов</i> Вотчины ясачных людей XVI—XVIII вв. от Поволжья до Западной Сибири.....	111
<i>Е. В. Самрина</i> Основные тенденции в землевладении и землепользовании кочевых инородцев Южной Сибири в первой половине XIX в.	127
<i>А. С. Смирнов</i> Общероссийское законодательство и региональная практика правового регулирования землевладения во второй половине XVI — первой половине XVII века (на примере Среднего Поволжья)....	136
<i>С. Ф. Татауров</i> Бухарская слобода в Таре в XVII—XIX вв.....	152
<i>З. А. Тычинских</i> О формировании служилого инородческого землевладения в Сибири в XVII в.	165
<i>Л. И. Шерстова</i> Родовые угодья тюркских народов Южной Сибири в XIX в.: традиция или новация	179
Сведения об авторах / About the author.....	192
Список сокращений	195

Л. И. Шерстова

*Томский государственный университет,
Томск, Российская Федерация*

Родовые угодья тюркских народов Южной Сибири в XIX в.: традиция или новация*

В статье ставится проблема генезиса родовых угодий как одного из видов землепользования тюркских народов Южной Сибири в XIX в. Делается вывод о том, что вследствие ясачной политики произошла переориентация традиционной комплексной экономики, она приобрела специализированную направленность, в которой пушная охота заняла ведущее значение. Следствием этого стала актуализация родовой собственности на промысловые угодья, которые в XIX в. были связаны с двумя видами занятий — пушной охотой и сбором кедрового ореха, т. е. были ориентированы на внешние запросы — выплату ясака и включение в формирующийся общероссийский рынок, что позволяет сделать вывод о том, что родовые угодья, являясь внешне архаическим явлением, на самом деле были социально-экономической новацией.

Ключевые слова: тюркские народы Южной Сибири, родовые угодья

Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Tribal lands of South Siberia Turkic peoples in 19th century: tradition or innovation*

The article rises issue of tribal lands as one of the land management of South Siberia Turkic peoples in 19th century. It is concluded that due to the yasak (fur tax) policy the traditional complex economy was re-oriented. It became more specialized and fur hunting got main importance. Consequently, tribal possession rights on lands, which could be used in commercial activity (such as fur hunting and pine nut

* Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер — 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

The article is written according to assignment by Altai State University «The Big Altai Turkic-Mongolian world: unity and diversity in Past and Present» Project # 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

gathering), were actualized. The activities in turn were aimed to fulfill external demands: to pay out the fur tax and enter the forming all-Russia market. It allows us to conclude, that tribal lands, claimed to be the archaic phenomenon, were in reality the socioeconomic innovation.

Keywords: tribal lands, Turkic people of South Siberia.

Из всего разнообразия направлений аборигенной политики в XVII—XVIII вв. наиболее важным представляется то, которое касалось экономики, социальной структуры и этнического состояния коренных этносов Южной Сибири. Повсеместное «пушное содержание ясака» привело к тому, что все остальные виды хозяйственной деятельности аборигенов оказались *свернутыми* и, многие культурные традиции *прерванными*. Непременное условие их бытования — *постоянное присутствие их в повседневности, постоянная повторяемость* одних и тех же *оптимальных* приемов хозяйственной деятельности, приспособленной к *данным* природным условиям, и востребованность результатов деятельности обществом. Это обуславливало комплексный характер экономики тюркских народов Южной Сибири, в которой присутствовали в разных соотношениях охота, рыболовство, ручное земледелие, скотоводство, металлургия, ткачество и т. д. Русские власти *перенаправили всю* хозяйственную активность населения Сибири *только на пушной промысел*. При этом администрация «облегчала» аборигенам жизнь через систему хлебных завозов и создание «хлебных магазинов», что способствовало резкому упадку и свертыванию традиционного для Южной Сибири земледелия, распространение русских товаров, например, тканей, разрушало местное прядение и ткачество и т. д. Промыслово-пушная переориентация ясачных наносила серьезный удар местному горному делу и металлургическому ремеслу, а через это — всей издревле сложившейся системе обменно-торговых связей, например, обмену железных изделий населения верховий Томи и Северного Алтая на продукцию скотоводства. Таким образом, аборигенная экономика становилась все более *специализированной*, а значит и менее устойчивой — неудачная охота грозила не только невыплатой ясака, но и отсутствием возможности что-то купить, и как следствие — обеднение и голод. Еще одним следствием выплаты пушного ясака стало быстрое и успешное эродирование социальных институтов и отношений, архаизация всей системы жизнеобеспечения.

Так, если в начале XVII в. русские служилые постоянно жаловались на плохое качество и скудость пушнины у абинцев (население верховий Томи, будущие шорцы), но отмечали высокое качество выплавлявшегося ими железа, часто превосходившего

русские образцы по всем параметрам¹, то уже спустя сто лет И. Г. Георги рисует иное: «*Промыслы (абинцев — Л. Ш.) состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и землепашестве, — писал он. — Звериная ловля есть главное их дело... потому наипаче, что всякая душа полезна им в рассуждении как шкур, которыми они подушный свой оклад очищают, так и мяса,... землепашество их незнатное, мало кто в нем упражняется, и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравниться с знатными огородами,... скотоводство их во всем подобно телеутскому, но еще менее оного*»² (везде курсив мой — Л. Ш.).

Еще через сто лет миссионер В. Вербицкий убежденно свидетельствовал: образ жизни «*кузнецких и черневых татар*» (будущие шорцы) полностью связан со зверопромышленностью, сбором кедрового ореха и земледелием, «*находящимся в первобытном состоянии... Кроме искусства бегать на лыжах (во время охоты — Л. Ш.) в шорцах (часть бывших абинцев — Л. Ш.) в высочайшей степени развит разумный инстинкт на звероловстве; при покупках и продажах они простодушно поддаются всякому обману, а в лесной сфере проявляется в них необыкновенная сметливость: на быстром беге, при множестве следов зверя, охотник читает по ним, как по грамоте*»³. В 1920-е же годы томский врач А.Н. Аравийский отмечал: «*Пушной промысел — основное в жизни их, обуславливающий экономическое состояние семьи, быт и т. д.*»⁴.

Абсолютно охотничья направленности хозяйства населения верховий Томи и Северного Алтая подтверждается записями этнографов в 1920—30-е гг. Наиболее распространенными были сюжеты об удачливых охотниках, о хозяевах гор — покровителях животных и о встречах с ними и т. п.

Вот лишь один из распространенных фольклорных сюжетов, записанный у шорцев: «*В тайге по имени Казыр много зверей было... Когда осень пришла, снег выпал, люди лыжи починили, запас взяли, волокушу за собой волоча, в тайгу пошли. В ту тайгу придя и балаган поставя, моление совершили. После этого стали промышлять. Но охота была неудачной. Когда темнота наступила, охотник к балагану направился, по дороге к отвесной горе*

¹ *Кашин В. И.* Железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9—10. С. 82—84.

² *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2. СПб., 1799. С. 163.

³ *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. СПб., 1893. С. 32—33.

⁴ *Аравийский А. Н.* Шория и шорцы // Труды ТОКМ. Т. I. Томск, 1927. С. 124.

подошел. Дверь этой скалы, открытой была. Тот охотник туда вошел. Той скалы внутреннее устройство на юрту было похоже. Там много людей было, водку гнали и играли в карты. Двое ссорились. Друг друга бранили. Первый из них сказал: «В моей тайге прежде много зверей было. Люди моего зверя много убивали, тем сыты были. Ты меня обыграл, скот мой (т. е. зверей — Л.Ш.) в твою собственную тайгу перегнал. Теперь же мои люди на промысел ходят, ничего убить не могут, они голодать будут»... Люди закричали, чтоб дальше играли... Хозяин тайги Казыр выиграл, засмеялся, бросил карты и сказал: «Теперь из твоей тайги находящихся птиц—зверя обратно гони»... Утром на охоте много зверей охотники убили... Когда с промысла вернулись, один старик сказал: «Это хозяева гор в карты играли. В карты играя, охотнику зверя—птицу посылают»¹.

Легенда кажется очень архаичной. Тут и охота как основа жизнеобеспечения людей, и подробное описание подготовки к ней, и древние охотничьи снасти вроде волокуши, и охотничий быт (постройка временного промыслового балагана и пр.), и упоминание хозяев гор, которые в то же время — владельцы всей таежной живности. Но есть одна деталь, вокруг которой строится весь сюжет: благополучие охотников зависит от удачной игры в карты Хозяина той тайги, где они промышляют. Эта деталь и заставляет усомниться в сугубой древности легенды, хотя, разумеется, архаические представления о Владыках Гор и Тайги были известны всем тюркским народам. Мало того, что открывшаяся взору охотника картина многолюдного собрания с вином и картами больше всего напоминает компанию приисковых или рудничных рабочих, в полуземлянке после смены «разыгрывающих фарт». Важнее другое: игра в карты стала известна среди широких аборигенных слоев Южной Сибири лишь с приходом русских.

Объяснение удачи или неудачи на охоте «карточным переменчивым счастьем», пусть даже сверхъестественных существ, заставляет увидеть именно в картах первопричину успешной охоты, что и определяет сюжетную линию рассказа. Напрашивается вывод: охотничий фольклор, записанный за последние 100—150 лет у предков современных южносибирских тюрков, лежащий на поверхности всего их этнокультурного достояния, явно увязывается с уже русским периодом их истории, с возрастанием роли охоты — основы выплаты ясака.

Со временем аборигены, потерявшие многие прежние навыки, кроме охоты, рыбной ловли и собирательства, становятся заложниками собственной охотничьей добычи, а жизнь их

¹ Дыренкова Н. П. Шорской фольклор. М. ; Л., 1940. С. 257.

делается все более зависимой от сибирской администрации, от купцов и разъездных торговцев, позднее от оптовых откупщиков. А потому любая случайность — невезение на промысле, лесной пожар и т.п. — чревата теперь всеобщей бедой, прежде всего голодом. Неслучайно и в русских документах разного времени, и, особенно, в аборигенном фольклоре мотив страшного голода столь разработан и распространен. Вот примеры: «*В тайге голод был... таежные люди в степь спускались*»¹ или «*Жить было трудно и голодно. Зверя в ясак отдавали, за долги торговцам, есть нечего было. Ячменя сеяли мало, тайга мешала, скота не держали, все больше промышляли. Женщины помогали мужчинам добывать зверя... Женщины так же, как и мужчины, промышляли зверя на лыжах*»² (это шорцы); или «*В давно минувшие времена во всем Алтае голод был*»³ (это северные алтайцы) и т. п.

Устойчиво повторяющийся фольклорный «сюжет о голоде» не связывается с каким-то одним событием или периодом. Создается впечатление, что голодное существование ясачных, если не постоянное их состояние, то, во всяком случае, перманентное. Причины этого несложно выявить.

Ни в преданиях, ни в документах XVII—XVIII вв. не упоминается о каких-либо природных или социальных катастрофах, о массовых войнах в Южной Сибири. Социально-экономическая переориентация аборигенов проходила тихо и незаметно. Первоначальные изменения, неспешно и исподволь разьедавшие традиционный комплекс жизнеобеспечения, казалось бы, не угрожали здешнему обществу, не вызывали серьезных опасений и даже не отложились поначалу в традиционном сознании. Этим невидным, но разрушительным фактором, — главное, фактором, постоянно действующим на протяжении столетий, — была привычная выплата ясака, которая, в конечном итоге, и трансформировала весь облик социума коренных этносов Южной Сибири.

Бесспорен факт, что в течение 150—200 лет произошел *полный переворот* в хозяйственной деятельности тюркских народов Южной Сибири. Разрушилась и переориентировалась вся система их жизнеобеспечения. За ненадобностью из повседневной жизни были выброшены многие этнокультурные традиции, связанные с неохотничьими отраслями традиционной системы жизнеобеспечения, поскольку прекратилась их непременная и всесторонняя повторяемость изо дня в день, из года в год; из жизни в жизнь. Все это происходило примерно в одном и том же направлении и с одинаковым результатом (исключая некоторые

¹ Там же. С. 285.

² *Потанов Л. П.* Очерки по истории Шории. М. ; Л., 1936. С. 23.

³ *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. С. 150.

детали и нюансы) и с населением Причулымья, и с этносами Кузнецкой котловины, Северного Алтая, Присаянья, Горного Алтая и т. д.

Из-за гипертрофированного значения ясака весь образ жизни тюркских народов Южной Сибири приобрел единообразную «охотничью окраску». Это обстоятельство, в свою очередь, послужило основанием для выделения в советской этнографии особого хозяйственно-культурного типа пеших охотников тайги, соотнесенного именно с Южной Сибирью, якобы реликта первобытного общества, существовавшего здесь в XVII в. и сохранившегося до начала XX в. Идеи эволюционизма, а затем и формационной теории, как основы исторических исследований советских историков и этнографов, не позволяли допустить значение регресса в социально-экономических или культурных процессах.

Не меньшим изменениям подверглась и социальная структура, где привычные социальные формы получили иное содержание и удачно использовались государством для фискальных интересов. Сибирские и центральные власти были заинтересованы в устойчивости основанных на синтезе общественных институтов и податных единиц русского и дорусского периодов. Возникшие в XVII в. ясачные волости — фискально-административные единицы, — сохранялись в течение всего XVIII столетия, а после принятия «Устава об управлении инородцев» получили название Инородных управ и просуществовали до начала XX в. Волости, созданные или воспринятые от предшествующих социально-экономических систем Южной Сибири, часто носившие этнонимические названия, со временем приобретали административные функции, и постепенно стали осмысливаться самими аборигенами как социальные организмы с собственной, четко ограниченной территорией.

Так, несмотря на этнокультурные трансформации, потомки «выезжих телеутов» в начале XX века сохраняли историческую память, связанную с обстоятельствами и временем их появления на берегах Томи и Искитима. Однако, выделенная им по Указу Алексея Михайловича на имя томского воеводы Монастырева от 7181 (1673) г. территория обитания, к началу XX века уже осмысливалась как исконно собственная земля. Когда в конце XIX века в губернском правлении стали вырисовываться планы по причислению инородцев к крестьянским волостям, собравшиеся из всех юрт и деревень члены Телеутской инородной управы составили общественный приговор, призванный, по их мнению, оградить их от нововведений. В приговоре, в частности, говорилось: «Когда, живя отдельно (от крестьян — *Л. Ш.*), терпим обиды, то как же вместе будем жить... Крестья-

не на *нашу землю* (курсив мой — Л. Ш.) будут смотреть, как на свою собственность»¹. Уже не горы Алтая или степи Верхнего Приобья мыслятся прародиной, бывшие местом исхода предков томских телеутов, а обработанные ими самими земли бассейна Искитима стали их неотъемлемой этнической территорией. Земли сначала в рамках телеутской ясачной волости, а затем Телеутской инородной управы Томского уезда пожалованная земля стала их Родиной.

Поскольку для бывших кыштымов енисейских киргизов, не имевших собственной государственности, и для южных алтайцев, сохранивших после вхождения в состав России элементов джунгарского административного устройства (дючины), основной социальной единицей был род (сеок, кость, поколение), то ясачные волости воспринимались как *родовые*, а территории — особенно жизнеобеспечивающие «ясачные угодья» — как *родовое владение* или держание от государства, на которое члены такой «волости» имели некие особые, исключительные права. Административно-фискальные образования — базировались ли они на семье или роде, на этнической группе или на осколке древнего этноса, — все со временем начали не только осмысливаться как родовые, но и в самом деле приняли на себя некоторые важнейшие функции рода.

К началу XX века социальная организация тюркских народов Южной Сибири имела сложный характер. Выделялось два ее уровня. Первый — был связан с ясачной политикой и был инициирован административно-фискальными интересами русской власти. С момента включения местных народов в состав Московского царства он обозначался как «родовые волости», «ясачные волости», «Инородные управы». Второй уровень определялся сохранением традиционной социальной структуры тюркскими народами Южной Сибири и в русских документах значился как «род», сами народы использовали другой термин — «сеок, сёок».

Аборигены часто отдавали себе отчет в искусственном характере этих «родовых волостей» или «волостных родов». Так, волости по-шорски назывались «*кон*» (по Мрассу) или «*калан*» (по Кондоме), в отличие от собственно рода, т. е. этнического «фрагмента» — «сеока». Во многих случаях «*кон*» («*калан*») не совпадали с сеоками, включая в себя их от двух до четырех и более «родов». При таком несовпадении шорцы не усваивали и не употребляли официального названия волости, а называли её по-своему. Так, Кондомо-Карачерскую волость, в которой, в частности, значился сеок «*шор*», именовали «*шор-кон*». Кивинскую — «*кобий-кон*», т. к. в ее состав входил род «*кобий*»; Мрасско-Изушерскую, в

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. Л. 254.

которой числились роды «*таяш*» и «*кечин*» — «*таяш-кечин-кон*» и пр.¹ На искусственность административного устройства населения Хакасско-Минусинской котловины в XIX в. обратил внимание Н. Ф. Катанов². Также и в состав алтайских дючин — административно-фискальных образований, имевших джунгарское происхождение, входило несколько родов — сёоков. Так, четвертая дючина, основу которой составлял сёок *иркит*, состояла еще из 19 родов, но, например, представителей сёока *тербет* было всего 56 человек. Показательно, что эти сёоки имеют этнические названия — *иркит* (*иргит*, *ирхит*) — многочисленная этническая общность, уходящая своими истоками в предмонгольский период сибирской истории, а алтайские *тербеты* — это остатки одного из основных этносов Джунгарии — *дербетов*.

Но именно с введением «Устава об управлении инородцев» термин *род* становится основным понятием, характеризующим социально-экономический уровень развития сибирских народов. Он получает широкое распространение в деловой переписке сибирских властей. Еще большую значимость он приобрел в советской науке — роды тюркских народов соотносились с первобытным родоплеменным этапом развития человечества. И народы, которые в прусский период имели собственные потестарные структуры или входили в состав государственных образований Южной Сибири и Центральной Азии, стали напрямую отождествляться с эпохой первобытности. Так сформировались ложные представления о социально-экономическом уровне развития тюркских народов Южной Сибири.

Между тем этнонимы *родов* (*сёоков*) тюркских народов — это отражение бурной истории Центральной Азии, т. к. значительная их часть являлась осколками средневековых этносов — *кыпчак*, *майман*, *меркит*, *тёлёс*, *иркит* и т. д., а названия некоторых — *аба*, *туба*, *кергеш* (*тюргеш*) — вообще уходят в древнетюркское время. То, что в историографии называют родами, по своей сути — фрагменты реально существовавших в прошлом этносов, которые стали основой социальной организации более поздних тюркских народов Южной Сибири.

Среди основных признаков рода тюркских народов называют экзогамию. И это действительно так, но экзогамия — это признак не только рода, как социального организма доклассового общества. Известны конфессиональная, сословная, кастовая виды экзогамии, которые практиковались в развитых обществах

¹ Кимеев. В. М. Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989. С. 170—171.

² Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. С. 4; *Он же*. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. С. 112.

и государствах. В обществах тюркских народов была распространена этническая экзогамия, актуализация которой также связана, с общей архаизацией аборигенных обществ Южной Сибири. И хотя это были «вторичные роды» («этнороды»), а не их «классический» прототип, заметно было их значение в экономике, наиболее явственно видимое в наличии родовой собственности, в первую очередь, на промысловые угодья. Следует заметить, что, хотя в Ясачных книгах и позже фиксировалась индивидуальная сдача ясака, но недоимки раскладывались на всех членов коллектива. В результате формировалась коллективная ответственность всех членов административно-фискального образования — ясачной волости, Инородной управы, Степной думы, дючины. Коллективный характер ответственности за выплату ясака влиял на коллективные формы использования промысловых угодий, стремление защитить их от представителей других аналогичных «родов».

В конце XIX века А. В. Адрианов писал о шорцах: *«Каждый род занимает какой-либо район... у каждого своя тайга»*¹. При этом родовая территория уже не сакрализовалась, а ее охрана и запреты на охоту имели прагматический, хозяйственный смысл. Такие обычаи больше увязываются с экономической деятельностью, нежели с воззрениями, отождествляющими родовую территорию с этнической, с Родиной. Этим, в частности, объясняется та легкость, с которой одни «роды» перетекали в другие: *«Сайинцы не находили людей, к которым они могли бы присоединиться. Потом они просили каргинцев (сеок «карга» — Л. Ш.) разрешения к ним присоединиться. После этого каргинцы между собой переговорили. Они повесили на мизинце за колечко плеть и сказали: если это колечко прострелите, тогда к нам присоединитесь»*. Сайинцы *«это сделали и вошли в состав каргинцев»*². Размытое родовое сознание и закрепленная в нем память об общей некогда этнической территории не препятствовали переселениям частей «вторичных родов» или семей, несмотря на их прикрепление к определенной волости или инородной управе, т. е. к административно-фискальному образованию в границах всей Обь-Енисейской этноисторической провинции. Поэтому в составе современных тюркских народов имеют роды (сеоки) с одинаковыми названиями — *чедыбер и тон* в составе кумандинцев и шорцев, *карга, кобий* — шорцев и хакасов и т. д.

Но поскольку на практике этнические различия часто совпадали с административно-фискальной припиской или имели такую тенденцию, то защита промысловых угодий обрела форму

¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. СПб., 1886. С. 325.

² Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. С. 311.

родового запрета, где категорически запрещалось охотиться чужеродцам: «*Людям другого рода в нашей тайге охотиться мы не разрешали*» или «*Если вы станете по нашей тайге ходить и если будете убивать зверя, в нашей тайге зверя мало будет*»¹ со всеми вытекающими отсюда последствиями защиты своей «родовой территории».

Пушная охота, как основа собираемого ясака, вынуждала коллективы выбрать, ограничить и защитить охотничьи угодья — чуть ли не единственное средство стабильного бытия. Поскольку же привычной, исчерпывающей социально-маркирующей единицей был род (как административный, так и «вторичный род»), постольку и владение землей тоже принимало внешне архаическую форму — родовую — со временем только укреплявшуюся.

Важно уяснить, с какими видами деятельности, с какими объектами связывалось понятие родовой собственности. Из материалов XVIII—XIX вв. видно, что сначала это были лишь земли, пригодные для охоты на пушного, реже мясного зверя и, кое-где, рыбные плесы. С возрастанием роли торговли кедровым орехом, «кедровых откупов» и сооружением русскими промышленных маслодавлен собственности рода распространилась и на кедрачи. «*Собственность на кедровники также имела родовой характер*, — писал Л. П. Потапов. — *Каждый сеок имел свое место для сбора орехов, такое место называлось «палга» — «место лазания»... Родовые кедровники также охранялись от чужеродцев*»². Таким образом, два вида хозяйственных занятий южносибирских тюрков — охота и сбор кедрового ореха — базировались на родовой собственности.

Разные по времени возникновения и минимально значимые в личном хозяйстве, но прямо определяемые внешними факторами — ясаком и торговлей — промысловые угодья функционировали в коллективно-родовых формах и базировались на собственности рода. И если наличие промысловых охотничьих угодий в известной мере можно связывать с реликтами архаического общественного устройства (что всегда и делалось), то родовая собственность на кедрачи никаких древних предпосылок не имела, т. к. кедровый массовый промысел и переработка ореха развились не ранее середины XIX века и были прямо связаны с вовлечением южносибирских тюрков в российские торговые отношения.

Интересно, что с развитием товарно-денежных отношений и естественным сокращением охотничьих угодий этнические группы, лучше других их сохранившие, начали сдавать промысловые земли в аренду, в том числе, и русским. Итак, натуральная

¹ Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. С. 255.

² Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. С. 135.

подать мехами, приобретающая облик оброка государству, подкреплялась и выдачей угодий в экономическое пользование различным группам населения, но тоже в рамках родовой собственности, так как делалось это с согласия всех членов рода, «по общественному приговору». Ответ на вопрос о том мыслились ли такие земли как этнические территории или воспринимались как места хозяйственной деятельности остается неясным.

Итак, родовая собственность на охотничьи угодья — явление достаточно позднее, укрепившееся и получившее новый импульс под влиянием основополагающей роли пушной охоты для аборигенов и властей, и, соответственно, вольно или невольно спровоцированное правительственной фискальной политикой. В XIX веке то же произошло и с кедровыми массивами, но здесь первопричина кроется не в чисто государственных потребностях, а в общем развитии товарного производства в Сибири.

Однако следует помнить, что собственно пушная охота занимала далеко не главное место во внутренней экономике сибирских народов. Шкурки часто использовались для обмена в торговых отношениях, иногда шли в качестве дани. Семейная собственность сохранялась в тех видах экономики, от которых зависела повседневная жизнь — пашни шорцев и алтайцев, которые могли обрабатывать и пользоваться с них урожаем лишь близкие родственники по отцу, долины и альпийские луга для выпаса скота алтайскими семьями. В Южной Сибири (кроме северных районов Верхнего Приобья) не распространялась родовая собственность и на водоемы: ловить рыбу дозволялось всем¹. Эти виды собственности на землю локализовались в рамках этнической территории.

Показательно, что виды собственности оказываются в обратной связи со значимостью той или иной хозяйственной отрасли либо для внутреннего развития аборигенного общества, либо для более органичного и успешного воздействия внешних (государственных, экономических) факторов. Ставившийся во главу угла фискальной политики государства XVII—XVIII вв. пушной ясак повлек за собой образование квазиродовой собственности на промысловые территории. В XIX веке возрастает с каждым десятилетием значение не натурального, а денежного ясака, что и обусловило появление повышенного спроса на кедровый орех, его массовый сбор и первичную обработку, а вслед за этим и вместе с этим — перевод кедрачей в сферу той же родовой собственности.

Родовые отношения, родовая окраска волостей были инициированы и укреплены в сфере административно-фискальных

¹ Там же. С. 135—136.

отношений аборигенов и государства, начиная с XVII века, и лишь затем закрепились в самих аборигенных обществах. Выход рода и родовых отношений на первый план произошел настолько наглядно, что у исследователей XIX — начала XX в. не промелькнуло и тени сомнения в их вторичности. Они и помыслить не могли, что изучают следствие регресса, «вторичную первобытность». Отсюда и многие методологические заблуждения, ложные научные посылки и утверждения. В 1930-е годы Л. П. Потапов писал о шорцах, потомках кузнецких людей XVII в.: «*Таежная пешая охота у шорцев есть реликтовая форма древней охотничьей культуры, распространенная в таежной части Саяно-Алтайского нагорья, подобно тому, как липа, сохранившаяся в Шории, является реликтовой формой растительности третьего периода... Здесь сохранились весьма первобытные приемы, вынесенные человеком из глубокой древности и существующие у самых первобытных из охотничьих племен*»¹.

Таким образом, в ходе изучения истории тюркских народов Южной Сибири довольно часто искажалось понимание конкретного исторического процесса, а исследователи не замечали совершаемой ими методологической ошибки: недооценки жизнеспособности и значимости архаических представлений и институтов; возможности, при соответствующих условиях их актуализации, и как следствие — усиления традиционалистских черт в современных обществах.

Список литературы

1. *Адрианов, А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году / А. В. Адрианов. — СПб., 1886. — 276 с.
2. *Аравийский, А. Н.* Шория и шорцы / А. Н. Аравийский // Труды Томского областного краеведческого музея. — Т. I. — Томск : Кн. изд-во, 1927. — С. 125—138.
3. *Вербицкий, В. И.* Алтайские инородцы / В. И. Вербицкий. — СПб. : Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. — 221 с.
4. *Георги, И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. — Ч. 2. — СПб. : При Имп. Акад. наук, 1799. — 178 с.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 867.
6. *Дыренкова, Н. П.* Шорской фольклор / Н. П. Дыренкова. — М. ; Л. : АН СССР, 1940. — 477 с.
7. *Катанов, Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губер-

¹ Там же. С. 114—115.

нии / Н. Ф. Катанов. — Казань : Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1897. — 104 с.

8. *Катанов, Н. Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Н. Ф. Катанов. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. — 114 с.

9. *Кашин, В. И.* Железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII—XVIII вв. / В. И. Кашин // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. № 9—10. — С. 79—110.

10. *Кимеев, В. М.* Шорцы. Кто они? / В. М. Кимеев. — Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1989. — 189 с.

11. *Потапов, Л. П.* Очерки по истории Шории / Л. П. Потапов. — М. ; Л. : АН СССР. 1936. — 260 с.